

Антология детской литературы

*За горами,
за долами...*

Выпуск третий

ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ

За горами, за долами...
Выпуск третий

«Издательские решения»

Скоблов Е.

За горами, за долами... Выпуск третий / Е. Скоблов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502758-0

Антология литературы для детей и подростков продолжает добрую традицию Академии РЛ, заложенную в начале нынешнего десятилетия. Авторы — члены академии и других творческих объединений, работающие в жанре детской литературы, представили свои произведения — прозу, поэзию, истории, сказки и песни. Помимо целевой аудитории, книга представляет интерес для работников детских и юношеских библиотек, а также специалистов органов воспитательной работы и дополнительного образования детей.

ISBN 978-5-00-502758-0

© Скоблов Е.
© Издательские решения

Содержание

АРКАДИЙ МАР	6
ПЛОХОЙ ДЕНЬ – СУББОТА	7
АДРЕС ИЗ НИКАРАГУА	10
ЮЛЬКА	15
АКСАЙ – БЕЛАЯ РЕКА	18
КРАСНЫЕ КАМНИ	20
Красные камни	21
БЕРКУТ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

За горами, за долами...

Выпуск третий

Руководитель проекта и составитель Евгений Скоблов

Технический директор Марина Чайкина

Художник Виктория Просвирнина

ISBN 978-5-0050-2758-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-2759-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Академия российской литературы

Антология литературы для детей и подростков

ЗА ГОРАМИ, ЗА ДОЛАМИ...

(выпуск третий)

Руководитель проекта и составитель

Евгений СКОБЛОВ

Технический директор

Марина ЧАЙКИНА

Художник

Виктория ПРОСВИРНИНА

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Аркадий МАР

Михаил ЛАПШИН

Ольга КАРАГОДИНА

Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ

Нина ГАВРИКОВА

Евгений СКОБЛОВ

Алёна ЛАРИНА

Евгения ТОКАРЕВА

Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)

Лада МЕЛЬНИКОВА

Нелли КОПЕЙКИНА

Татьяна ЧЕ (ЧЕГЛОВА)

Алла СВИРИДОВА

Ольга РЕЙМОВА

Роман ТИШКОВСКИЙ

АРКАДИЙ МАР

Писатель и журналист, автор 14-ти книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза Писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН клуба. Издатель. Главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебряная Литера». Лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина.

Рассказы

ПЛОХОЙ ДЕНЬ – СУББОТА

Папа и мама начали ссориться уже давно, почти целый месяц. Сначала они укладывали Вадика спать и мама несколько раз заглядывала в его комнату, проверяла, уснул ли. Но полы в квартире рассохлись, поскрипывали под ногами, и Вадик всегда слышал мамины шаги. Если шаги приближались, он изо всех сил зажимал глаза и притворялся спящим. Потом шаги удалялись, и Вадик начинал слышать мамин голос. Мама говорила часто-часто, совсем как игрушечный автомат, если нажать на курок. А когда мама замолкала, говорил отец.

Вадик откидывал одеяло и босиком шлепал к двери. Он чуть-чуть приоткрывал ее и смотрел в щелку. Видна была лишь стена коридора, покрашенная прошлым летом коричневой краской, и еще туфли. Папины – сорок четвертого размера, похожие на линкоры, только без мачт и трубы. Рядом, как эсминцы, стояли мамины босоножки. А его сандалий не было видно. Чтобы их увидеть, нужно совсем выйти в коридор. Там, в углу рядом с вешалкой, лежат его зеленые сандалии. Вадик на минуту задумался, на какие корабли они похожи? Ну, конечно, на торпедные катера.

Вадик вспомнил, как хорошо было раньше, когда все вместе они шли в парк. Папа всегда шел широкими шагами, а когда Вадик с мамой отставали, оборачивался и дожидался их. Потом он сажал Вадика на плечи и нес так до самого парка. С высоких отцовских плеч было видно далеко-далеко, но чтобы видеть еще лучше, Вадик сгибал пальцы кольцом и прикладывал к глазам. Получался настоящий бинокль. В него сразу становилось видно море. Нет, даже не море, а целый океан, и Вадик чувствовал себя настоящим капитаном большого корабля. Он чуть наклонялся вправо, и его корабль поворачивал, сжимал коленками папину шею, – резко останавливался. А если нужно было развить самый большой ход, Вадик набирал полную грудь воздуха, громко пыхтел: чух-чух-чух! Корабельная машина прибавляла обороты, и папа начинал шагать быстрее и быстрее.

А потом подходила мама и говорила: «Как я вас всех люблю!»

На папином лице сразу пропадали все морщинки, глаза начинали смеяться, и он становился молодым-молодым...

Но в парк они не ходили уже давно. Вадик даже забыл, когда ходили. Теперь в воскресенье мама, а потом папа уходили куда-то, а Вадика отводили к соседке Вере Ивановне. Вера Ивановна включала телевизор, брала в руки тонкие железные спицы и начинала вязать. Пушистый клубок мотался по полу взад-вперед, рыжий кот Яшка, дремавший у ног Веры Ивановны, лениво открывал один глаз, долго следил за ним, вдруг прыгал, трогал клубок когтистой лапой и, недовольно урча, возвращался обратно.

Потом Вера Ивановна накрывала на стол и они пили чай с душистым айвовым вареньем. Вера Ивановна смешно вытягивала губы и прихлебывала из блюдечка. А когда вечером Вадика уводили домой, почему-то вздыхала и гладила его по голове...

А в среду в детском саду к Вадиду подошла толстая Маринка и, уперев руки в бока, сказала:

– За то, что не давал на велосипеде кататься, твои родители расходятся. Я сама слышала, как воспитательница моей маме говорила.

Вадик сразу покрылся красными пятнами, изо всех сил сжал кулаки и ударил Маринку в плечо. Но разве с ней справишься! Через минуту он уже лежал на земле, а Маринка сидела сверху. Тогда Вадик извернулся и укусил ее за руку. Так ей и надо!

Вечером мама сказала:

– Ты стал таким старым и скучным, смотреть не хочется.

И почему старым? Совсем папа не старый. Подумаешь, сорок два года. Вадик вспомнил, как смотрел по телевизору хоккей с канадскими профессионалами. Там почти всем по столько

лет. А одному, который вместе с сыновьями играет, гораздо больше. Ничего, когда Вадик вырастет, он тоже будет играть с отцом в одной команде. В ЦСКА. И их тройка будет самая лучшая. Отец, Вадик и Харламов.

Да, еще мама сказала, что отец скучный. Ну это совсем легко исправить. Нужно почитать маме веселые книжки. Их у Вадика очень много и все с яркими картинками. А самая смешная – «Барон Мюнхгаузен». Когда читаешь ее, прямо обхохочешься!

Но Вадик читает еще не очень хорошо. По складам и водит пальцем вдоль каждой буквы. А если по правде, то и не очень любит читать. Теперь же он будет тренироваться каждый день. И дома, и в саду. А потом прочитает маме все-все самые смешные истории. Папа сразу станет веселым, и мама никогда больше не будет так говорить...

Все случилось в субботу. Почему-то мама появилась в саду на целый час раньше, и Вадик сразу заметил, что она не такая, как всегда. Пока они шли через детсадовский двор, Вадик несколько раз смотрел на мамино лицо. Лицо было веселым и мама улыбнулась четыре раза. Вадик считал.

Потом они завернули за угол, прошли через сквер. Тут мама остановилась, посмотрела на часы.

– Хочешь мороженое? – спросила она и, не дожидаясь ответа, протянула железный рубль.

– Только сбегай сам. Вон там продают.

Мама открыла сумочку, достала пудру и помаду, а Вадик со всех ног побежал за мороженым...

Он уже доедал мороженое, когда возле них вдруг остановилась большая красивая машина и мама, улыбнувшись, сказала:

– Это за нами. Залезай, Вадик.

Мама села спереди, рядом с водителем, а Вадик удобно устроился сзади, на широком кожаном сиденье.

Внутри машины было очень интересно. Вадик покрутил никелированную ручку, и боковое стекло тут же начало опускаться.

– Перестань! – сказала мама и повернулась к водителю. – Сережа, он тебе всю машину разберет.

– Пусть разбирает, – ответил Сережа и подмигнул Вадиду. – Ну что, старик, давай знакомиться, – добавил он, протягивая руку. Рука была твердой-твердой, как стенка, и Вадик поморщился.

– Это оттого, что я штангу поднимаю, – гордо сказал Сережа. – Вот, потрогай здесь!

Он согнул руку и возле плеча сразу вздулись большие бугры. Такого Вадик еще никогда не видел.

– Вы в цирке работаете? – спросил он, потрогав бугры.

Сережа улыбнулся.

– Нет, старик, не в цирке. А ты что, цирк очень любишь?

И только Вадик хотел рассказать, как любит цирк, но вдруг заметил, что Серёжина рука легла маме на плечо, и мама не отодвинулась, не убрала ее, а наклонила голову и прижалась к ней щекой.

– Я домой хочу, – сказал Вадик.

– Как домой? – удивился Сережа. – Сейчас мы покатаемся, а потом пойдем в цирк. Ведь ты его любишь.

Сережа включил мотор и машина поехала.

– Останови! – закричал Вадик, – Останови! Я пешком пойду!

– Ты как себя ведешь? – сказала мама. – Дома я тебя накажу!

Машина затормозила, остановилась, и Вадик вылез из нее. Он прошел несколько шагов и почувствовал, что мама взяла его за руку. Вадик повернулся к ней и спросил:

– Вы правда с папой расходитесь?

Мамино лицо сразу стало злым и красным, она ничего не ответила, а потащила Вадика за собой. Она все убыстряла и убыстряла шаги и рука у Вадика занемела. Рука немела до самого дома, но Вадик молчал. Пусть совсем-совсем занемет, только бы не разошлись.

Но дома было еще хуже.

– Вадик, иди к себе! – приказала мама, подошла прямо к отцу и громко сказала:

– Нам нельзя больше жить вместе. Я перееду к дру-гому человеку и заберу ребенка с собой!

– Нет, – ответил папа. – Я тебе назло Вадика не отдам!..

Вадик сидел на кровати в своей комнате. Не хотелось ни читать, ни смотреть в окно, ни заниматься никаким делом, Вадик прислушался. Папа и мама всё ещё упрекали друг друга. Тогда он встал, вышел в коридор, потом открыл дверь, немного постоял на лестничной площадке и спустился во двор.

Во дворе Маринка мелом чертила на асфальте большие квадраты. Увидев Вадика, она обернулась и спросила:

– Будешь в классики играть?

– Нет, – ответил Вадик. – Неохота.

– А твои родители правда расходятся? – опять спросила Маринка.

– Я сам с ними расхожусь, – сказал Вадик.

Он обошел скамейку под старой урючиной, где читали газеты пенсионеры, и зашагал дальше.

АДРЕС ИЗ НИКАРАГУА

На уроке литературы Светлана Алексеевна вдруг сказала:

– У меня есть адреса школьников из других стран. Кто хочет с ними переписываться?

– Все! – дружно закричал класс и поднял лес рук.

– Петрова, ты же переписываешься с девочкой из Болгарии?

– А я еще хочу, – тут же заныла плакса Петрова.

– Нет, Лена, – произнесла Светлана Алексеевна. – Адресов у меня мало, на всех, к сожалению, не хватит. Поэтому придется тебе подождать. А сейчас прочитаю одно письмо – как образец.

Светлана Алексеевна встала из-за своего учительского стола, подошла к доске, чуть прищурила близорукие глаза и начала с выражением читать:

«Дорогой друг, я живу в Советском Союзе, в городе Саранске, и очень хочу с тобой переписываться. Город наш очень красивый. В нем много высоких домов, парков, скверов. Мы все гордимся, что наш город дает стране очень много прекрасных промышленных товаров.

Учусь я отлично, на одни пятерки, собираю металлолом, активно участвую в жизни школы. Когда вырасту, обязательно получу хорошую профессию. А кем мечтаешь стать ты? Если хочешь переписываться, то ответь мне. С пионерским приветом...»

– Мне кажется, это хорошее письмо, – заметила Светлана Алексеевна. – И, думаю, вы должны придерживаться этого образца. А теперь, кому дать адреса?

Она пошла по рядам и начала раздавать листочки с адресами, написанными ее четким красивым почерком.

Вдруг она остановилась.

– У меня остался последний, – произнесла Светлана Алексеевна. – Я решила его дать Гене Рослякову. Хотя Гена не отличник, не хорошист и, прямо скажем, иногда даже не троечник, но, может, именно этот адрес поможет ему подтянуть учебу.

Генка удивленно взял маленький, выдранный из блокнота в клеточку листок.

На нем нерусскими буквами был написан адрес.

– Это адрес школьника из Никарагуа, – сказала Светлана Алексеевна. – А вы все знаете, как тяжело приходится сейчас этой стране. И еще. Переписываясь, вы должны помнить: нужно хорошо учиться, быть всегда достойным звания пионера.

На перемене Генка направился прямо в учительскую и неуверенно затоптался на пороге.

– Тебе, Росляков, что нужно? – поинтересовалась за-вуч Сусанна Михайловна, оторвавшись от горки тетрадей, которые она проверяла.

– Мне географичка велела карту принести, – соврал Генка.

– Не географичка, а учительница географии Нина Андреевна, – строго поправила Сусанна Михайловна. – Учишь, учишь, всю, кажется, душу вкладываешь, а в ответ никакого уважения. Просто бросить все хочется... Карты вон там, в углу, за шкафом с классными журналами.

Генка подошел к шкафу, нашел политическую карту мира и вместе с ней пошел в маленькую комнатку рядом со спортзалом.

Физкультурник Эльмир Гафиевич относился к Генке лучше всех остальных педагогов.

– Ты, Росляков, – говорил он, – будущая спортивная звезда. Координация природная, рост подходящий. Просто прирожденный баскетболист. Скоро начну тебя персонально тренировать.

И Генка, равнодушный почти ко всем предметам, на физкультуре преобразался.

– Пас, мне пас! – кричал он одноклассникам и, по-лучив мяч, обводил соперников, про-рывался к кольцу и в высоком прыжке клал мяч в корзину.

– Молодец, Росляков, – громко хвалил Эльмир Гафиевич и всегда в конце урока выводил ему в классном журнале аккуратную пятерку.

Поэтому из всего класса в маленькую комнату – царство Эльмира, где хранились мячи, металлические планки для прыжков в высоту, зеленые пластмассовые обручи для хула-хупа, другая всячина – пускали одного Генку.

Сейчас Эльмир Гафиевич сидел на стуле и вертел в руках синюю кроссовку.

– Надо же, подошва начисто отвалилась, – сообщил он Генке. – Еще фирма называется, «Адидас». Бракоделы. А ты что это приволок?

– Карту.

– Зачем?

– Хочу Никарагуа найти. Страну такую.

Генка развернул карту, и она, как разноцветный пестрый ковер, покрыла пол.

– Ищи в Америке, – подсказал Эльмир Гафиевич, – Ладно, ты побудь здесь, пока я урок в третьем «Б» проведу.

– Ага, – кивнул Генка и встал на колени.

Никарагуа он начал искать с самого верха Америки.

Его палец медленно проехал зеленую Канаду, оранжевые США, желтую Мексику. Дальше была сиреневая Гватемала, салатный Гондурас, красный Сальвадор.

Никарагуа он чуть не проскочил – маленькую светло-коричневую полосу земли, окру-женную по бокам огромным океаном. И голубую каплю озера с островом посередине.

– Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели, – читал Генка незнакомые, таинствен-ные названия...

– Вот ты где, Росляков, скрываешься! – Рассерженная Сусанна Михайловна грозно сто-яла в дверях. – Как ты мог меня обмануть! Из-за тебя в шестом классе урок географии чуть не сорвался! Для чего тебе карта?

– Никарагуа найти.

– Опять врешь! Чтобы завтра отец был в школе. А то до уроков не допущу. Понятно? Сейчас же отнеси карту обратно...

Генка закинул портфель за спину – так удобнее – и вместо протоптанной дорожки заша-гал прямо по снежной целине.

Свежевыпавший снег поскрипывал под ногами, словно сокрушался, что Генка топчет его ботинками. Генка наклонился, зачерпнул ладонями снег, подышал не него, слепил снежок, подбросил и ударил ногой.

Удар получился хороший – снежные брызги веером сыпанули во все стороны.

Сейчас он придет домой и сядет писать письмо.

Как там? Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели.

И голубая капля озера с островом посередине.

Генка открыл ключом дверь, быстро разделся, прошел на кухню – там он всегда делал уроки, чтобы не мешать родителям смотреть телевизор, – вырвал из тетрадки чистый лист и задумался.

Никарагуа представлялась ему так:

Горы арбузов и дынь, кураги, бананов, ананасов (однажды плакса Петрова принесла в класс попробовать), яблок, груш, помидоров, оранжевых апельсинов с крошечными наклей-ками «Магос» на крутых боках, шоколадных конфетных наборов, бутылок апельсиново-жел-той «фанты» и черной «пепси-колы».

А среди всего этого изобилия бродят ручные грустные обезьянки с длинными цепкими хвостами, полосатые, похожие на плюшевых тигры и таинственные лемуры, которых он один раз видел в «Клубе путешественников».

Над всей Никарагуа – звук индейской свирели, долгий, заунывный. И огромный кондор неподвижно парит в ослепительно-ясном небе.

Генка еще раз посмотрел на адрес и аккуратно вывел:

«Здравствуй, дорогой друг!»

Потом задумался. Погрыз ручку. Но в голову ничего не приходило, и он начал писать, как в образце:

«Я живу в Советском Союзе, в городе Саранске.

Я очень хочу с тобой переписываться. Саранск – красивый город. В нем много высоких домов, парков, скверов. Учусь я на одни пятерки, а когда вырасту, обязательно стану...»

Генка на секунду остановился.

«...а когда вырасту, обязательно стану моряком. А кем хочешь стать ты? Пиши мне по адресу: Советский Союз. Саранск. Улица Паровозная, 12. Рослякову Геннадию Артемьевичу».

Полное имя и отчество он добавил для солидности.

Генка поставил точку, прочел письмо вслух. Получилось вроде неплохо. Но все равно чего-то не хватало. И он решил дописать...

За окном стемнело, в кухню заглянула совсем молодая яркая луна, а Генка всё писал и писал.

Про то, как с отцом ходил в лес и поймал ежа. Еж жил в их квартире долго. Ночью шуршал газетами, а однажды зачем-то изгрыз мамины туфли, и она выкинула его на улицу. А он, Генка, так его и не нашел. Что вечером приходит в школьный спортзал тренировать бросок и уже попадает в кольцо сорок два раза из пятидесяти. А когда вырастет, обязательно будет выступать за московское «Динамо» – в нем играет центровой Владимир Жигилий, его любимый баскетболист. Тогда, может, приедет в Никарагуа на баскетбольный турнир...

Потом Генка побежал на почту, вложил письмо в конверт с дорогой, сорокапяткопеечной маркой, опустил в почтовый ящик. И почему-то ему стало грустно...

Ответа не было очень долго. Но однажды вместе с газетами он вытащил из почтового ящика узкий голубой конверт. Обрадовавшись, Генка из ящика комода достал ножницы и аккуратно отрезал вдоль конверта узкую полоску.

На пол вдруг выпала маленькая фотография.

Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза.

Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал настоящий автомат.

«Здрастуй амиго Геннадий Артемьевич, – было написано на листочке в клеточку. – Я долго не ответил на твое письмо патаму что ездил на уборку кофе. Урожай в этот год очень хороший и вся республика радуется поэтому. Мы собирали кофе в провинции Хинотега но работать мешали контрас. Жгли склады убивали сборщиков. Нам дали оружие и мы уже участвовали в бою. Контрас бежали через границу в Гондурас а мой друг Пако ранен в голову.

Я учусь в седьмом классе учу русский язык но знаю еще не харашо и по химии и истории тройки. Но я беру пример с такого отличника как ты и клянусь революцией исправить оценки.

Зовут меня Гильермо Гарсия у меня есть мама папа шесть братишек и сестренки. Я очен люблю играть в футбол но времени мало. Нужно помогать революции.

Досвидание амиго Геннадий Артемьевич. Твой друг из Никарагуа Гильермо. Венсеремос. Мы победим».

Сначала Генка хотел принести письмо в класс – похвастаться. Но вспомнил что написал, будто круглый отличник. И не решился. Еще засмеют. Скажут, брехло ты, Генка, наврал с три короба, а сам из троек не вылазишь. А Генка не любил, когда над ним смеялись.

Он много раз перечитывал письмо, где было много ошибок и отсутствовали запятые, и там, где Гильермо писал о том, как ранили его друга, у Генки на глазах чуть не выступали слезы.

– У-у, сволочи, – ненавидяще шептал он. – Фашисты, белогвардейцы проклятые, контры. Подождите!

И после школы шел в тир.

Старичок Матвейч брал Генкины двадцать копеек, долго отсчитывал крошечные пульки, потом опять садился на колченогий стул и начитал читать потрепанную книгу Мопассана «Милый друг».

Генка выбирал ружье, заряжал, прищуривал правый глаз и нажимал на курок.

Пульки громко чпокали о металлических зайцев, волков, медведей, сплющивались и отлетали в сторону.

– Ну что, – говорил Матвейч, – отрываясь от книги. —

Опять промазал? Сколько раз учить: выцеливай под обрез и плавно курок спускай. А ты дергаешь. Ладно, вот тебе еще три пульки. Бесплатно.

И Генка стрелял опять...

Ночью ему снилось, как они с Гильермо лежат в засаде. По синей горе со снежной макушкой карабкались контрас. Они ползли поджигать кофейные поля.

– Стреляй! – кричит Гильермо, и его автомат выбрасывает язычки огня.

Генка наводит винтовку на толстого бандита, увешанного пулеметными лентами, выцеливает под обрез и, как учил Матвейч, плавно нажимает на курок. Контрас взмахивает руками и по крутому склону катится прямо в пропасть...

Через неделю он получил еще одно письмо.

«Салуд амиго Геннадий Артемьевич, – писал Гильермо. – Я получил по истории пять всю ночь учил урок как альмиранте Колумб открыл Америку. Синьора учительница меня хвалила. Наш класс помогает строить дома для бедных и я уже умею штукатурить.

Хочешь буду учить тебя испанскому языку. Революция будет революсьон. Родина – Патрия. Товарищ – компаньеро. Амиго – друг. Контрас – враги. Но пасаран – они не пройдут. А как правильно по-русски будет нравитца. Мне нужно сказать это одной девочке. Буаносеро амиго. До свиданья. Мы часто ходим к Пако в больницу и я рассказал ему о тебе».

Генка начал заниматься.

Теперь он сразу шел домой и обкладывался учебниками. Стиснув зубы, зубрил уроки, а в классе тянул и тянул руку, чтобы его вызвали отвечать.

И впервые за долгие месяцы в его дневнике появились четверки. Вечером же, когда отец и мать сидели смотреть телевизор, он на кухне писал письма Гильермо.

Письма выходили честные: как прожил день, о чем думает, что хочет совершить. Потом вкладывал в конверты и надписывал адрес в Никарагуа...

Снег давно растаял, деревья выбросили стрелки молодых глянцевых листочков, потом зацвела сирень, но Гильермо все не отвечал.

Генка даже ходил на почту узнавать, но усталая поч-тальяонша Верочка накричала на него:

– Что, ем я, что ли, эти письма? Не получаешь, значит не пижут. Сто лет нужен ты в этом Никарагуа!

Наступил конец мая, и скоро их должны были рас-пустить на каникулы.

– А что, Генка, – как-то вечером сказал отец, – учебу ты подтянул, и у меня есть такое предложение. Давай возьмем мать и все вместе махнем под Саратов, в деревню. Родни там – полсела. К июлю, в аккурат, на сенокос попадем. И тебе интересно крестьянский труд поглядеть.

И Генка обрадовался...

Постепенно образ Гильермо начал тускнеть в его памяти, и только изредка перечитывал он письма из Никарагуа.

Но однажды почтальонша Верочка опустила в их почтовый ящик узкий голубой конверт.

«Компаньеро Геннадий Артемьевич, – было написано незнакомым почерком. – Я долго болел и не мог сообщить. Гильермо умер. В феврале контрабандисты взорвали нефтехранилище. Весь город тушил пожар. Гильермо получил сильные ожоги. Он часто вспоминал о тебе.

Мы всегда будем помнить Гильермо. Его друг Пако.»

Генка сжал зубы, прищурился, чтобы не заплакать. Потом из самой любимой книги «Три мушкетера» вытащил маленькую фотографию.

Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза. Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал автомат.

И Генка заплакал.

Слезы текли и текли по его лицу, скатывались в рот, и там становилось солоно. Перед глазами поплыли радужные пятна, все расплылось, Генка увидел горящие дома, убитых, Гильермо, стреляющего из автомата. Вдруг Гильермо обернулся и что-то крикнул ему...

Генка бросился на кухню, отыскал коричневую сумку, с которой мать ходила в магазин, бросил в нее буханку хлеба, пачку печенья, рыбные консервы «Частик в томатном соусе» и, захлопнув дверь, побежал на остановку.

Он дождался троллейбуса номер пять, идущего на железнодорожный вокзал, устроился на последнем сиденье, на коленях развернул карту.

Ехать было долго.

На поезде до города-порта Одессы, потом на пароходе через Черное и Средиземное моря в Атлантический океан.

И только потом будет далекая страна Никарагуа, которой нужно помочь.

Маленькая светло-коричневая полоска земли на карте, окруженная по бокам огромным океаном.

И голубая капля озера с островом посередине.

ЮЛЬКА

Спать совершенно не хотелось. И потом Юлька совсем не любит спать. Из-за этого сна столько времени пропадает. Ведь за это время можно так много нарисовать разноцветными красками. Ничего, что потом краска оказывается на руках, лице и даже волосах и мама ругает за испорченную одежду. Зато какие получаются рисунки!

Юлька даже зажмурилась от удовольствия. Вон там, в углу, рядом с телевизором лежит стопка бумаги – ее рисунки. Их очень много. Может, пятьдесят четыре, а может, и гораздо больше. Пятьдесят четыре – самый последний счет, до которого Юлька умеет считать.

Юлька пошла в угол, взяла рисунки и стала раскладывать их на полу. Вообще-то рисунки обязательно должны висеть на стене. И еще у них тоже есть свой дом, он называется картинная галерея. Рисунки живут там все вместе и рядом висят на стенах.

Все это рассказала Юльке детсадовская воспитательница Виктория Андреевна, а она уж точно знает. И если совсем по-честному, то Юлька один раз устроила дома настоящую картинную галерею и прибила свои рисунки гвоздями к стенам. Но мама очень сильно ругала ее за это, и рисунки пришлось снять.

Правда, дырки от гвоздей все равно так и остались, и Юлька иногда ковыряет их пальцем, но ничего, когда она вырастет и станет взрослой, ее рисунки будут жить в самой-самой что ни на есть взаправдашней галерее, и никто-никто не посмеет их оттуда снять...

Юлька разложила рисунки на полу и оставила между ними узкий проход. Потом вошла в него и повернула голову направо: с рисунка на нее смотрел лев. Лев был зеленого цвета, с густой синей гривой и ярко-красными глазами. Он сидел под большой пальмой и улыбался. Вообще-то Юлька хотела, чтобы лев получился страшным, но так уж само вышло, что лев улыбался.

Юлька посмотрела на другой рисунок. Этот рисунок она очень любит.

На нем нарисован город, в который она когда-нибудь попадет. У этого города совсем сказочное название – Ташкент. И все сказки, которые Юлька знает, она начинает одинаково: «В некотором царстве, в некотором государстве – Ташкенте, жили-были...»

А пока Юлька рисует этот город на бумаге. На рисунках он получается очень красивым. Дома высокие-высокие, а последнего этажа не видно – облака закрыли. Рядом с домами растут апельсины и мандарины. Их Юлька очень любит, только вот плохо, что в город, где она живет с мамой, эти фрукты очень редко привозят.

Мама говорит, что самые вкусные фрукты растут, где тепло, а в Ташкенте уж и подавно жарко. Один раз Юлька слышала, как радио сказало: «Самая высокая температура в нашей стране – в Ташкенте, плюс сорок три градуса». Подумать только, целых сорок три градуса! А у них в городе даже летом приходится одевать теплую одежду. А то еще как замерзнуть можно.

Есть еще одна причина, почему Юлька хочет попасть в Ташкент. Там живет ее бабушка. Бабушку Юлька помнит и не помнит. Она не помнит бабушкино лицо, бабушкину одежду. Юлька помнит только бабушкины руки. Они так приятно пахли вкусными пирогами.

Юлька была еще совсем маленькой, когда бабушка брала ее на руки, прижимала к себе и напевала ласковые песни. Под эти песни Юлька закрывала глаза, и сразу приходили к ней хорошие сны. И до сих пор она помнит этот запах – родной запах бабушкиных рук. И хотя Юлька чувствует себя теперь большой и сильной, хорошо было бы уткнуться лицом в бабушкины ладони и постоять так хотя бы пять минут...

А сколько сейчас времени? Ух ты! Уже девять часов. Сейчас придет мама. Мама всегда недовольна, если Юлька в это время не лежит в кровати.

Что это? Ключ поворачивается в замочной скважине... Мама пришла. Юлька скорей-скорей начинает собирать свои рисунки.

– Ты почему это еще не спишь? – спросила мама, входя в комнату. – Ну-ка быстро в постель.

Юлька взяла рисунки и пошла к себе в комнату. Пусть сегодня рисунки ночуют вместе с ней.

Юлька сняла с постели покрывало, разровняла простыню так, что на ней не стало видно ни одной морщинки, и залезла под одеяло. Она честно закрыла глаза и попыталась уснуть. Но спать совершенно не хотелось. В голову лезли всякие мысли, от которых и не заснешь никогда в жизни...

Вдруг зазвонил телефон.

Юлька услышала, как мама подняла трубку, спросила:

– Аллю? – Потом быстро сказала, – я так ждала твоего звонка. Почему ты не звонил?

Вообще-то Юлька знает – подслушивать нечестно. Но сейчас она совсем не виновата. Голос мамы раздается так громко, что Юлька слышит каждое слово.

– Можно хоть иногда тебя видеть? – волнуясь, спросила мама. – Ну, пожалуйста. Я не буду тебе надоедать.

«И как это мама может надоесть», – думает Юлька. Ей мама не надоест никогда в жизни! А вот опять мамин голос:

– Как ты не понимаешь, я тебя люблю. Ты не можешь так со мной поступить...

Юлька услышала, как мама опустила трубку на рычаг и стало совсем тихо.

Тихо-тихо. Так тихо, что Юлька услышала даже свое дыхание. Она попыталась совсем не дышать, чтобы стало еще тише, но чуть не задохнулась. Пришлось опять начать дышать.

Но что это? Какие-то новые звуки. И странные ка-кие-то. Юлька не выдержала, вылезла из-под одеяла и, не надевая туфель, подошла к двери. Да, странные звуки не прекратились, а наоборот, даже усилились. Юлька открыла дверь и вошла в комнату.

За столом сидела мама. Сидела она как-то странно.

Уперев локти в стол, она прятала лицо в ладони и раскачивалась из стороны в сторону. И тут только Юлька поняла, что это были за звуки.

Так всегда получается, когда тебя несправедливо обидают. Слезы начинают катиться из глаз, ты стараешься сдержаться, не плакать, но почему-то в горле становится горько-горько, обидно-обидно, и вот тут получают эти звуки.

Юлька подошла к маме, тронула ее за рукав.

– Мамочка, не надо. Ну не надо, мамочка, – зашептала Юлька быстро-быстро. – Ну, пожалуйста, перестань.

Но мама продолжала плакать.

И тут Юлька почувствовала, как ей самой вдруг стало обидно. Так обидно, что и рассказать нельзя. Слезы брызнули из ее глаз, хотя Юлька и сдерживалась изо всех сил.

Она уткнулась носом в мамины колени и шептала:

– Я тебя люблю, слышишь, люблю. Ты мне никогда-никогда не надоешь. И видеть хочу тебя каждую минуточку.

Юлька почувствовала, как мамины руки обняли ее, и мамино лицо крепко прижалось к ее спине.

– Я тебя тоже очень люблю. И ты мне никогда-никогда не надоешь, – говорили родные мамины губы. – Теперь все будет хорошо. Вот увидишь. Просто я такая невезучая...

Невезучая... Юлька хорошо знает это слово. Ей самой столько раз не везло, просто ужас. А один раз от этого самого невезения ее укусила собака. Совсем ни за что. Просто так взяла и укусила. А потом Юльке целый месяц делали уколы.

– Мамочка, – вдруг сказала Юлька. – Давай уедем отсюда. Ну, пожалуйста, давай уедем. В Ташкент, к бабушке.

– Ну что ты, дочка. Как можно? А работа? А квартира? А твой детсад? Ты потерпи, когда-нибудь мы обязательно поедем в Ташкент.

Юлька вздохнула. Действительно, ничего не поделаешь. Придется терпеть.

– Мамочка, а можно я сегодня с тобой лягу? – попросила Юлька.

– Можно, – разрешила мама. – Ты иди ложись, а я только умоюсь и сразу приду.

Мама пошла в ванную, а Юлька направилась к маминому дивану.

Юлька любила этот диван. Если лечь на него и закрыть глаза, то можно представить себе все, что захочешь: самолеты, море, разные страны. А потом уже совсем легко рисовать все это на бумаге.

Юлька залезла на диван, свернулась калачиком и закрыла глаза.

Что бы сейчас такое себе представить?..

Но почему-то ничего не представляется. Только спать очень хочется. Ну ладно, она пока поспит, а когда мама ляжет рядом, Юлька поговорит с ней еще.

Но Юлька так и не проснулась до самого утра. Лишь во сне ей казалось, что мама никак не может заснуть и часто ворочается...

Следующий день начался как обычно. Опять нужно было есть манную кашу, а потом залезать в комбинезон. Из желтого комбинезона Юлька давно уже выросла, и он ей жмет во всех местах.

А вот и детсад. И мама поцеловала на прощание.

Только почему это она как-то странно посмотрела?

В детском саду Юльке нравится. Там много игрушек, и все воспитательницы очень хорошие. Особенно Виктория Андреевна. Она все-все на свете знает. И может ответить на самый трудный вопрос. А самое главное, она всегда внимательно слушает и никогда не говорит: «Отстань, мне некогда».

Вот и сейчас Юлька спросила Victорию Андреевну:

– А в Ташкенте есть море?

– Нет, – ответила Виктория Андреевна. – В Ташкенте моря нет.

«А-а, – догадалась Юлька. – Просто море в Ташкент еще не успели прорыть».

И только Юлька хотела сказать об этом, как вдруг в дверях увидела маму.

Вот это неожиданность! Еще ведь и полдника не было!

– Собирайся, Юлька, – сказала мама. – И попрощайся со всеми. Мы едем в Ташкент.

Но Юлька ничуть даже не поверила.

– А как же работа? – спросила она. – И квартира тоже?

– Мне отпуск дали, – объяснила мама. – А за квартирой Виктория Андреевна присматривает. И не копайся, поезд в шесть двадцать уходит.

И тут только Юлька поверила...

В своем желтом комбинезоне и с рисунками под мышкой Юлька стояла у окна вагона. От ее дыхания толстое стекло запотело, перестало быть прозрачным. Юлька протерла его рукавом и сквозь него опять стало все видно.

Но вот паровоз зафыркал, засвистел и покатил по рельсам все быстрее и быстрее.

АКСАЙ – БЕЛАЯ РЕКА

Последние дни ему часто снился один и тот же сон. Синяя котловина небольшого озера, удивительно сладкая трава вокруг и он сам, маленький, нескладный еще жеребенок, ждущий с матерью разрешения отца. Но вот отец осторожно спустился к воде, прислушался, замер, втянул ноздрями воздух и тихонько заржал. Тогда мать нежно и легко подтолкнула его, и он, Аксай, вытянул вперед морду и жадно, захлебываясь, начал пить. Потом обернулся. Отец и мать стояли рядом и смотрели на него...

Аксай – старый жеребец с рваным шрамом на бедре – стоял на вершине пологого холма. Под ним, медленно переходя с места на место, паслась его крошечная семья: кобылица Бахор и жеребенок Юлдуз. Легкий ветерок, родившийся на окраине великой степи, лениво шевелил их короткие гривы.

Аксай поднял голову и понюхал ветер. Он пах недавно сошедшим снегом и только-только зазеленевшей молодой травой.

Становилось тепло, редкие дожди – короткие, ливневые – быстро проходили, и яркое солнце мгновенно высушивало степь.

Над землей, неподвижно распластав крылья, парил беркут, и, испугавшись его тени, жеребенок с белой отметиной на лбу шарахнулся в сторону.

– М-м-м, – ласково позвала его мать, и он, успокоившись, снова начал щипать траву.

Этот резвый жеребенок с отметиной, похожей на звезду, появился на свет ранней весной, и Аксай, наблюдая за ним, радовался, что растет жеребенок быстро. И имя ему сам придумал. Юлдуз – звезда. Красивое имя, будто большая ночная звезда спустилась сверху отдохнуть на лоб малыша, да так там и осталась. И, конечно, когда Юлдуз вырастет и станет знаменитым на всю степь вожаком, все вспомнят и про его отца Аксаю...

Совсем недалеко, за грядой холмов, Аксай заметил большой, лошадей на пятьдесят, табун. Его хозяин – огромный черный жеребец, с густой, трепещущей по ветру гривой, как часовой стоял на страже и, увидев Аксаю, злобно заржал.

В другое время Аксай поскакал бы навстречу, чтобы в честном бою помериться силами и испробовать на непочтительном жеребце крепость своих копыт и остроту зубов.

Сколько в его долгой жизни было таких поединков! И побежденные им всегда уходили из табуна.

Пусть поодаль они вновь начинали хорохориться, ржать, но и Аксай, и они хорошо знали, что все кончено и им придется уйти.

А потом Аксай присоединял к своему табуну их кобылиц.

Но сейчас, после тяжелой голодной зимы, исхудав, он иногда чувствовал себя слабым. Слабость вдруг подступала к нему, и тогда, закрыв глаза, чуть поматывая головой, он неподвижно стоял на странно разъезжающихся ногах и ждал, пока слабость уйдет из его большого сильного тела...

С каждым днем солнце излучало все больше и больше тепла, уже появились слепни, и нужно было перекочевывать на летние пастбища, к видневшимся на горизонте горам.

Много раз водил Аксай туда свой табун, и сейчас, представляя будущую дорогу, обернулся и посмотрел на Бахор. Почувствовав его взгляд, она подошла к Аксаю, положила узкую морду ему на круп.

И Аксай кивнул головой. Еще мал был их жеребенок, еще рано было пускаться ему в дорогу.

А там, в высоких прохладных горах, где-то ждала синяя котловина озера, полная чистой воды, и удивительно сладкая трава вокруг. И он, Аксай, осторожно спустится к воде, прислушается, замрет, втянет ноздрями воздух и тихонько заржет.

И жеребенок Юлдуз жадно, захлебываясь, начнет пить. Потом обернется. А он, Аксай, будет стоять рядом и смотреть на него...

Огромный черный жеребец с трепещущей по ветру гривой вдруг выскочил из-за холма и понесся на Аксаю. Не доскакав, остановился, круто выгнул шею, приподнял хвост и, коротко и высоко ступая ногами, сделал круг, другой.

Аксай и черный жеребец сошлись нос к носу, медленно развернулись и, вновь повернувшись, встали, в пок-лоне пригнув головы к земле.

Они представлялись друг другу перед схваткой, готовясь биться до конца.

– Я – молодой, великий, страшный. Когда я скачу, приминаю землю копытами, от гор с гулом отваливаются огромные камни. На небе собираются грозовые тучи и кидают вниз молнии. Я хозяин степи. Одним ударом я могу убить волка, и их стаи в страхе бегут прочь, услышав топот моих копыт. Табун мой велик, и я хочу при-соединить к нему всех кобылиц, пасущихся в степи! Как ты смеешь сопротивляться мне! Ты, старик... – так говорил, оскалив зубы, черный жеребец.

Аксай – Белая река, ничего не ответил черному жеребцу, только чуть повернул голову и краешком глаза посмотрел на своего жеребенка.

Пронзительно визжа, они поднялись свечами, скрестили в ударах передние ноги. Потом, тесня друг друга, сделали полувольт и снова сошлись в схватке.

Аксай разворачивался, бил задними ногами, а черный жеребец старался достать его зубами. Из глубоких ран струйками била кровь, пятная серо-бурую шкуру Аксаю, и стекала на траву.

Дважды уже оскальзывался Аксай, припадал к земле, а черный жеребец все наседали и наседали на него, пытаясь опрокинуть и затоптать...

Он не убежал – уходил, медленно уходил, шатаясь и хромя, почти ничего не видя сквозь заливавшую глаза кровь, побежденный Аксай – Белая река. Старый конь с рваным шрамом на бедре. Он медленно уходил и слышал, как трубно ржал черный жеребец, радуясь победе...

Чистая, свежевывытая луна выстилала дорогу до самых гор, и по этой дороге медленно брел одинокий Аксай. Он часто останавливался, отдыхал, подставляя израненное тело прохладному ветерку. И ветерок, несущий запах ароматных горных трав, возвращал ему силы.

Уже совсем рассвело, когда снежные шапки вонзающихся в небо вершин стали близкими. Аксай под-нялся по каменистой насыпи откоса и вдруг увидел озеро. Оно синело в небольшой котловине внизу. Прозрачное горное озеро, полное воды от медленно тающих ледников.

И прежде чем начать спускаться к озеру, к удивительно сладкой траве, росшей по его берегам, Аксай закрыл глаза.

Юлдуз, маленький, нескладный еще жеребенок, ждущий с матерью его разрешения. Аксай осторожно спускается к воде, прислушивается, втягивает ноздрями воздух и тихонько ржет. И жеребенок Юлдуз, жадно, захлебываясь, начинает пить. Потом оборачивается.

А он, Аксай, стоит рядом и смотрит на него...

Что-то заставило его вздрогнуть, насторожиться. И прежде чем увидеть, он уже знал, что это. Девять волков, беря его в кольцо, карабкались по осыпи.

И тогда, собрав все силы, он оттолкнулся от откоса и прыгнул вниз.

Он падал, подобрав под себя ноги, разрезая воздух тяжелым телом, и тянулся, тянулся к этой синей, прозрачной воде.

КРАСНЫЕ КАМНИ

Повесть

Красные камни

Воздушный змей – варак неподвижно стоял в голубой выси, лениво поводя обвисшим хвостом из вдетых друг в друга разноцветных бумажных колец. Казалось, он удивленно рассматривал ровные квадратики виноградников, столетние чинары с большими, как ляганы для плова, листьями, каменную тушу Красной горы – Кызыл-таш – ее две зазубренные вершины, похожие на бахрому старой бабушкиной скатерти. По желтому взгорью пылила отара, выбирая среди острых камней старые тропки. А в долине лежал оглушенный июльской жарой маленький кишлак.

Кишлак тоже назывался Кызыл-таш, и Айниса вдруг подумала, то ли люди назвали гору Красной, то ли гора дала свое имя кишлаку.

– Дедушка, дедушка, – позвала Айниса. – Пойдемте домой!

Дедушка сидел на сером валуне и, постанывая, растирал поясницу.

– Совсем расклеился, старый черт, – морщась, произнес он. – Пойдем, сейчас пойдем, сердце мое.

Зимой дедушке исполнилось семьдесят четыре года, и только недавно Айниса стала замечать, что вроде бы дедушка изменился. Раньше веселый, любящий поговорить, теперь он подолгу молчал, а когда шел по улице кишлака, то иногда даже не отзывался на приветствия соседей, хотя каждый знает, что когда тебе говорят «ассалом алейкум – мир вам», то непременно нужно ответить: «ваалейкум ассалом – и вам мир!»

И даже палка, отполированная прикосновением дедушкиных рук, дедушкина палка из твердого-претвердого орехового дерева изменилась! Когда Айниса внимательно посмотрела на нее, то удивилась. На палке проступила густая сетка морщин. Совсем как у дедушки!

– Э-э, – сказал тогда дедушка, грустно улыбнувшись, – вещи, душа моя, всегда становятся похожи на хозяев.

– Дедушка, почему гора называется Красной?

– Сердце мое, давно это было... Ну хорошо, хорошо, расскажу. Народ говорит: в нашем кишлаке жил искуснейший кулогар-горшечник. Ни сна ни отдыха, ни ночи ни дня не знал. Возил с горы камни, растирал из них краски, глазурь, на камышовом пуху замешивал глину, месил ее до кровавых ран на ногах, вертел на гончарном кругу хумы, кумганы, кувшины-овтоба, блюда-ляганы, поливал глазурью, красками, выставлял на обжиг. И такая красота выходила из его рук, что даже из дальних мест...

– Дедушка, ведь вы тоже красивую посуду обжигаете?

– Обжигаю, конечно, обжигаю. А знаешь, почему наш кишлак раньше знаменитым был? Кто, скажи, не слышал про посуду из Кызыл-таша? Не было такого человека! От Ферганы до Самарканда пили, ели, мылись из нашей посуды. А теперь, – дедушка горестно вздохнул. – Теперь никому она не нужна. В кишлаке считают, что глупо глину месить, краски из камней растирать, горшки лепить, когда в любом магазине от посуды полки ломаются. Поэтому и забыли про Кызыл-таш. А какие здесь мастера были! У каждого свой рисунок, свой секрет.

– И у вас есть секрет?

– Есть.

– А меня ему научите?

– Э-э, сердце мое, все тебе открою, всему научу. Но только тогда все это пригодится, если в душе красота живет.

– А как узнать, есть она или нет?

Дедушка улыбнулся.

– Народ говорит, если человек целый день ест плов да валяется на кошме, тогда уж точно нет... Ну что, душа моя, пошли, что ли. Э-хе-хе. Помоги аллах, бедному горшечнику.

Дедушка закинул тяжелую сумку на плечо, медленно пошел вперед. Его палка прощупывала тропинку, он осторожно обходил острые камешки.

Вот и дом. И бабушка выглядывает из-за ворот...

Пока бабушка ставит на айван блюдо, где горкой наложена душистая самса с золотистой прожаренной хрупкой корочкой, заваривает зеленый чай, дедушка бережно вынимает из сумки принесенные с Кызыл-таша камни. Однажды учитель Остан привез дедушке в подарок краски из Ташкента, но, расписав ими большой ляган, дедушка долго вертел его и так и эдак, а потом, ни слова не говоря, разбил, и все пошло по-прежнему. По-прежнему приносил дедушка разные камни с Красной горы и тяжелым мельничным камнем растирал на краски.

Айниса берет с блюда самсу, разламывает пополам, чтобы воздух вошел внутрь и остудил горячую ароматную начинку.

Потом оглядывается на дедушку.

Он медленными глотками отхлебывает чай из пиалы, хитро прищуривается.

– Хочешь знать, что было дальше с тем искуснейшим кулогаром-горшечником?

И продолжает:

– Из дальних мест шли учиться его искусству, но он отказывал всем.

– А разве так можно, дедушка?

– Нельзя, душа моя, конечно, нельзя. Ведь если мастер-устоз не оставит после себя учеников, то скоро и жизнь на земле прекратится.

– Почему?

– Потому что никто больше не сможет правильно подрезать лозу, испекать в тандыре лепешки, строить дома, где летом прохладно, а зимой тепло. Не дай аллах, чтобы настали такие времена! А тот кулогар не хотел никому открыть свой секрет.

Каждый день поднимался он в гору, искал камни, натирал из них краски: небесную лазурь, чернь, зелень. Только одной краски не было у горшечника. Красной. Самой главной, что веселит душу и придает силы... Э-э, сердце мое, взгляни, взгляни на этот ляган. Видишь, какой узор пустил по нему твой дед. Краски сочные, свежие. С такого лягана пища вдесятеро вкуснее, а повесь на стену в пасмурный день, он и светить будет. По этому цвету и узнавали нашу посуду. Ценили, как самую дорогую вещь. Э-хе-хе... Пришли как-то черные времена. Напрасно люди смотрели в небо – не дал аллах дождей. Пал скот, от страшного зноя сгорели поля. Нечего стало покупать заезжим купцам, и они стороной объезжали кишлак. Тогда решили люди покинуть землю предков, искать счастья в других местах. Но кулогар сказал: «Я знаю, как спасти кишлак. Пусть каждый пришлет сыновей, и я научу их всему, что знаю». Днем и ночью показывал кулогар, как правильно месить глину, вертеть посуду на гончарном кругу, обжигать в печи. Торопился горшечник, будто чувствовал: вот-вот оборвется нить его жизни. И опять сказал людям: «Нужно найти красные камни. Без них нет души в нашей посуде».

Рано утром люди кишлака начали подниматься в гору. Но не было красных камней. Не рожала гора такие камни. Долго сидел кулогар, закрыв лицо руками, а потом один пошел к вершине. Вдруг увидели люди, что падает вниз горшечник. Долго его тело билось о камни и оставляло на них капельки крови. С тех пор назвали гору Кызыл-таш. И кишлак стал так называться.

Дедушка остановился, замолчал.

– Дедушка, дедушка, – быстро произнесла Айниса. – А красные камни нашли?

– Нашли, сердце мое, нашли. Стала гора рожать такие камни. Другие кулогары растирали из них красную краску. И появилась у нашей посуды душа. Снова начали заезжать в кишлак купцы и увозить в дальние страны Кызылташскую посуду. Э-хе-хе... Опять поясницу схватило. Оббо! Конечно! Над Красной горой тучи стоят...

Дождь так и не пролился над кишлаком. Темные тучи с фиолетовыми прожилками, посверкивая молниями, ушли куда-то в сторону от двуглавой Красной горы, пропали за горизонтом. И опять потянуло теплом и запахом арчовой хвои.

Айниса посмотрела на спящего деда, поправила на нем сползший чапан, вышла во двор. Кругом стояла тишина, только за низким забором у соседей часто кашляла овца.

Айниса зашла в дедушкину мастерскую, в темноте нащупала выключатель, и у горловины обжиговой печи зажглась лампочка. Потом взяла в руки кусок глины. Постояла, сжимая ее ладонями. И согреваясь, глина оживала, постепенно теряла серый цвет, в ней проступали желтые, синие, оранжевые оттенки.

Решившись, Айниса положила ее на гончарный круг, тронула шершавый камень.

И почувствовав человеческое прикосновение, круг дрогнул и завертелся.

БЕРКУТ

Пришла весна, и над двуглавой Красной горой почти каждый день собирались тучи. Ветер гнал их вниз, в долину. Посверкивая молниями, они лениво проплывали над кишлаком, отдавая быстрые короткие дожди окружающим его садам, виноградникам, столетним чинарам.

Потом небо снова становилось чистым, и жаркое уже солнце мгновенно высушивало лужи.

Айниса выносила из дома воздушного змея-варака и по шаткой лестнице лезла на крышу.
– Подожди, сердце мое, – просил дедушка.

Накинув на плечи теплый чапан, он, держась за потемневшие от времени перила, осторожно одолевал ступеньки.

– Скорее, дедушка, – торопила Айниса.

Наконец седая голова деда появлялась над краем крыши, Айниса протягивала руку и через минуту они уже стояли рядом.

Айниса наматывала на палец конец длинной-предлинной нитки, запускала варака. Варака секунду медлил, размышлял – лететь ли, потом плавно взмывал вверх. Его длинный хвост из вдетых друг в друга разноцветных бумажных колец извивался как тело настоящей змеи.

– Дай мне, – просил дедушка и начинал вести варака сам.

Размотав нитку до конца, варака дергался, пытаясь освободиться. Но нитка была крепкой, и дедушка смеялся.

Айниса посмотрела на деда.

И совсем он не старый! Будто и не исполнилось зимой семьдесят четыре года. Даже морщинки, густой сеткой окружающие глаза, как-то разгладились.

– Дедушка, беркут!

Над Красной горой неподвижно стояла черная точка.

Дедушка прищурился, приложил ладонь к глазам.

– Знаешь, где его гнездо? – спросил он. – На старой орешине, возле ущелья.

– А хорошо поймать маленького беркутёнка, – размечталась Айниса. – Он бы у нас жил.

– Оббо! Глупая еще. Разве можно ребенка с отцом и матерью разлучать? Беркут не кошка, не собака, что ему у нас делать?

Действительно, нечего. Айниса немного помолчала, оглянулась по сторонам.

– Дедушка, посмотрите, как красиво. И небо. И Красная гора!

Дедушка улыбнулся.

– Поэтому и красиво, что все это наше... Народ говорит: на родине и вода лучше жажду утоляет.

– Наверное, и другие места красивые есть?

– Есть, конечно, есть. Мир вон как велик.

– А почему тогда беркут от нас не улетает?

– Как же он улетит? Если улетит, то кусочек нашей души умрет. А что наша душа, сердце мое? Красная гора, кишлак, чинары, вот этот варака. Как без души жить? Не дай аллах...

– Вай дод! Совсем от старости из ума выжил! Посмотри, что задумал – с ребенком на крышу лезть!

Бабушка стояла во дворе и ругалась.

– Что ты ворчишь, женщина, – пробормотал в бороду дедушка и начал сматывать нитку. Варака дернулся, нырнул вниз, начал снижаться...

Да, вкусную шурпу приготовила бабушка – так и просится в рот. За минуту большая чашка-каса Айнисы опустела, и бабушка наполнила ее опять.

Но вот дедушка провел ладонями по лицу, пошел в угол двора – в мастерскую. Там стоит гончарный круг и обжиговая печь.

– Можно я посмотрю, как вы работаете? – попросила Айниса.

– Можно, отчего же нельзя, – разрешил дедушка.

Он зачерпнул из большого корыта еще с вечера замешанную на камышовом пуху глину, размял пальцами, даже попробовал на вкус.

– Э-хе-хе, – вздохнул он. – Еще не отстоялась. – И добавил: – Сердце мое, что дома сидеть. Сходи к подружкам, поиграй, а я полежу немного, что-то поясницу ломит...

Когда идешь по узким улицам кишлака, нужно быть внимательной. Если навстречу попадется кто-нибудь из взрослых, обязательно не забыть сказать: «Ассалом алейкум – мир вам». Тогда и тебе ответят: «Ваалейкум ассалом – и вам мир».

– Э-эй, Айниса! – из-за полуоткрытых ворот высунулась голова Наргизы. – Куда идешь? Айниса пожалала плечами.

– А у меня есть новая кукла! – похвасталась Наргиза. – Немецкая. И ходить умеет. Папа сегодня из города привез.

– Покажи! – попросила Айниса.

Везет же Наргизе! У неё и так самые лучшие игрушки во всем кишлаке.

– Сейчас принесу, – согласилась Наргиза и убежала в дом.

Айниса подошла к воротам, заглянула в них. Со двора доносился ароматный запах томящегося на медленном огне плова. На расстеленных на айване курпачах сидел отец Наргизы Хабибулла с друзьями. Хабибулла работал заведующим складом, и люди говорили о нем разное.

– Ассалом алейкум, – поздоровалась Айниса.

– А-а, девочка, – произнес Хабибулла.

От выпитого вина лицо его покраснело, и он расстегнул пуговицы на рубашке.

– Ну, как твой дед, горшки до сих пор лепит? – усмехнулся Хабибулла. – Вот старый бездельник, – повернулся он к друзьям. – У самого в доме пусто, а смеет языком молоть. Дескать, у Хабибуллы денег много, а души нет. Это обо мне, деловом человеке!

– Не обращайтесь внимания, Хабибулла-ака, завистники всегда найдутся, – произнес один из друзей.

– Я и стараюсь не обращать. И дом полная чаша, и машина, и цветной японский телевизор... Да, а что в городе достал. Эй, Наргиза, принеси-ка сюда новую вещь! Обидно, что в кишлаке до сих пор не все уважают, – закончил он.

Беркут, крошечная темная точка в бездонном небе, вдруг стронулся с места и, снижаясь, кругами полетел к кишлаку. С каждым мгновением он приближался все ближе, уже можно было хорошо разглядеть могучие широкие крылья, маленькую гордую голову с острым, крючковатым клювом.

– Смотри, как, разлетался, – недобро улыбаясь, сказал Хабибулла. – Наргиза, долго тебя ждать?

– Иду, иду, дада, – отозвалась Наргиза, сойдя с крыльца. – Возьмите, – и она подала патронташ и новенькое, сверкающее ружье.

– Сегодня в городе приобрел, – похвастался Хабибулла, любовно поглаживая разукрашенную красивой насечкой двустволку. – Правда, больших денег стоит, но разве жалко? Иногда хочется и себя побаловать.

– Прекрасное ружье, – в один голос подтвердили друзья. – С удачной покупкой вас, ака.

– Э-э, вы не видели, как оно бьет!

Хабибулла вытащил из патронташа два патрона, зарядил двустволку и поднял голову.

Беркут летел совсем низко, и по земле за ним тянулась неуклюжая большая тень.
Хабибулла быстро поднял ружье.

– Не стреля... – крикнула Айниса.

Раздался грохот, из стволов вылетели яркие снопики огня и остро запахло порохом.

Беркут, будто с размаху налетев на невидимую преграду, остановился и тяжело рухнул вниз.

– Зачем ты его убил! – закричала Айниса. – Зачем? Ты не его убил! Ты дедушку моего убил! Ты меня убил!!!

Слезы катились по ее лицу, она вдруг бросилась к Хабибулле и обеими руками изо всех сил вцепилась в ружье.

– Э-э, кто-нибудь! – испуганно заорал Хабибулла. – Какой дэйв в нее вселился? Уберите от меня эту девчонку!

Мертвый беркут лежал на земле, и его глаза уже были подернуты тонкой серой пленкой.

Вокруг стояли люди, и Айниса, отодвинув их, прошла вперед. Она подняла беркута, осторожно прижала к груди и пошла домой.

Сначала соседские мальчишки увязались за ней, но она обернулась и они отстали.

Потом она закрыла за собой ворота и пошла в пустую дедушкину мастерскую.

Там она будет сидеть дотемна, а потом похоронит беркута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.